

Прошло пятнадцать лет.

Город Яньси погрузился в мертвую тишину. Жители наглухо закрыли окна и двери, боясь зажечь в домах даже самую слабую свечу. Лишь в здании управы ярко горели огни.

Ши Фэй стоял посреди пустого зала, задрал голову. Над ним висела лакированная доска с иероглифами: «Правосудие чисто, как ясное зеркало». Золотая вязь слепила глаза. Он тяжело вздохнул и зажмурился.

— Господин уездный начальник, — в зал торопливо вошел стражник.

Годы не пощадили его: движения старого служаки стали тяжелыми и скованными.

— Армия Чжэнь уже у восточных ворот? — спросил Ши Фэй, не открывая глаз.

— Да, — стражник понурился, стиснув зубы. — Господин, уходите, пока не поздно! Как-никак, это родные края их предводителя. Может, он и не тронет горожан.

Ши Фэй медленно покачал головой.

— Ты и сам знаешь: мало какой город уцелел на его пути. Бегут ли чиновники, сдаются ли — крови не избежать. В Яньси остались одни старики, женщины да малые дети. Если город падет, он первым делом пустит нас под нож. Вы, стражники, уже не молоды, у каждого семьи, дети, внуки... А я один. Мне не о ком кручиниться. Устоит город или нет — мы можем лишь попытать удачу.

Он принял решение и вдруг негромко позвал:

— Брат Цюань.

Ван Цюань вздрогнул. Сердце предательски екнуло, предчувствуя недоброе.

— Слушаю вас, господин.

— Приготовь для меня гроб.

У Ван Цюаня глаза полезли на лоб.

— Господин!

— Иди, — отрезал Ши Фэй. Он по-прежнему стоял с закрытыми глазами, и лишь когда стражник хотел было возразить, добавил: — Подумай о своем внуке. Он ведь только-только на свет появился.

Ван Цюань замер. Кулаки его сжались так, что побелели костяшки. В конце концов он низко, до самой земли, поклонился, круто развернулся и бросился прочь. Он уходил, не оборачиваясь, яростно утирая катящиеся по щекам слезы.

Ши Фэй открыл глаза и снова посмотрел на девиз над судейским креслом. Взгляд его был тверд. То, чему суждено случиться, случится сегодня. Трон династии Дацинь прогнил насквозь и рушился в прах. Он понимал мотивы Армии Чжэнь, но... народ-то в чем виноват? Кем бы ни были те, кто сидит в столице, он, как глава уезда, не имеет права бежать.

Город падет, это неизбежно. Но он рискнет. Рискнет собой, чтобы спасти тысячи жизней.

Поправив чиновничью шапку и разгладив складки парадного платья, Ши Фэй уверенно зашагал к выходу. Навстречу первым лучам солнца, к восточным воротам.

На рассвете к городу, поднимая тучи пыли, подступили передовые отряды Армии Чжэнь. За ними волочились захваченные по пути чиновники — тени прежних себя. Дни изнурительных переходов превратили этих некогда лоснящихся от жира людей в обтянутые кожей скелеты. Но куда страшнее физических мук был терзавший их ужас. Многие не выдерживали и накладывали на себя руки. Те же, кто остался в живых, мучились вдвойне: жажда жизни боролась в них со страхом перед будущим, которое обещало быть страшнее смерти.

Вэй Чжун сидел на высоком скакуне, глядя на приближающиеся стены Яньси. В груди шевельнулось странное чувство. Он невольно вспомнил тот день, когда пятнадцать лет назад навсегда покидал родной дом. Перед глазами всплыл образ молодого судьи. Странно: вернувшись завоевателем, он думал не о врагах и не о тех, кто когда-то протянул ему руку помощи, а о том человеке, что судил его.

Стоило ему об этом подумать, как он увидел его. Прошли годы, они виделись лишь однажды, но Вэй Чжун узнал его мгновенно.

Восточные ворота были заперты. Перед ними стояли лишь одинокий стол и стул. Ши Фэй сидел в кресле, положив на стол длинный меч, кувшин с вином и единственную чарку. Он не спеша наполнял кубок, и густой, терпкий аромат старого вина поплыл над дорогой.

Вэй Чжун натянул поводья. Его помощники тут же подали знак, и многотысячная армия замерла.

Предводитель хмуро смотрел на Ши Фэя, не понимая, что тот затеял. Глава уезда поднял голову. Его взгляд был чист и спокоен, словно застывшая гладь пруда. Вэй Чжун видел сотни чиновников — все они дрожали за свою шкуру, но спокойствие этого человека заставило его сердце екнуть. Если бы не донесения разведки, он бы заподозрил засаду.

— Издалека пожаловали гости, — первым нарушил тишину Ши Фэй. — Хотя предводителя Вэй гостем не назовешь. Вы ведь из наших мест, так что это скорее триумфальное возвращение в родные пенаты. — Он обвел взглядом ряды повстанцев. — Интересно, сколько еще выходцев из Яньси в вашем войске?

— Господин Ши ждет именно меня? — спросил Вэй Чжун.

— Разумеется. — Ши Фэй отпил глоток. Вино пятнадцатилетней выдержки оказалось превосходным.

— И почему же господин Ши здесь один? — Вэй Чжун усмехнулся. — Где твои стражники? Разбежались, как крысы?

Его помощники зашлись в издевательском хохоте.

Ши Фэй даже не дрогнул. Он медленно поставил кувшин.

— У них есть дома, старики-родители, жены и дети. А я — один-одинешенек. — Смех мгновенно оборвался. Ши Фэй посмотрел в лица командиров: — Думаю, и вы здесь не все сироты. Я на этом посту почти двадцать лет и отлично помню каждую семью. Чу Саньму, ты когда из дома уходил, матери хоть слово сказал? Знаешь ли ты, что она все глаза выплакала, тебя дожидаясь, и теперь совсем ослепла? Чэнь Эрсэн, сестра твоя замуж вышла, сынишке уже три года. Лу Шуань, отец твой пять лет назад с горы сорвался, лежал парализованный, а позапрошлой зимой преставился. Глаз так и не закрыл, все тебя звал. Юй Син, твой сын невесту в дом ведет. Юй Ли, жена твоя уж полтора десятка лет вдовствует при живом муже. Ван У...

Он называл имена одно за другим, перечисляя судьбы и горькие потери.

Многие солдаты опустили головы. В их душах что-то дрогнуло. А правильно ли они поступили, бросив всё тогда, много лет назад?

Кто-то воочию увидел старую мать, которая бродит по дорогам, зовя сына по имени, спотыкается, падает и снова встает, не видя пути из-за слез.

Кто-то вспомнил отца, чьи иссохшие руки шарили по одеялу в поисках руки сына, пока смерть не оборвала эти тщетные попытки.

Кто-то представил жену, чьи виски уже посеребрила седина. Она сидит в пустом доме и шьет

одежду, которую некому носить.

Кто-то подумал о сестре, которой некому было заступиться в чужой семье, и она молча сносила обиды, старея раньше срока.

У них тоже были близкие. Десять лет назад они уходили за мечтой о великих делах, не думая о тех, кто остался. Ши Фэй ударил по самому больному. Не только земляки, но и другие солдаты вспомнили о доме. А живы ли их родные? Не пострадали ли они при штурме очередного города?

— Ши Фэй! — рявкнул Вэй Чжун, чувствуя, как падает боевой дух войска. — Чего ты хочешь?

Он был уверен: сейчас старик начнет вымаливать себе жизнь.

Ши Фэй осушил последнюю чарку, встал и протянул Вэй Чжуну меч рукоятью вперед. Его голос остался таким же ровным:

— Убей меня.

— Что?! — Вэй Чжун опешил.

— Убей меня, — повторил он. — Но не трогай жителей Яньси. Пообещай, что не причинишь им вреда. Моя жизнь в обмен на их жизни.

— Ты хочешь выкупить целый город одной своей головой? — Вэй Чжун пристально смотрел на него.

— Да.

— Зачем?

— Я уже сказал: у них есть семьи. А я один, и терять мне нечего. — Ши Фэй твердо держал меч. — Каким бы ни было государство, какой бы ни была власть, я — глава этого уезда. Мой долг — защитить людей.

Слово «долг» заставило пленных чиновников втянуть головы в плечи. Им и в голову не приходило, что в человеке может быть столько величия.

— Ты ведь понимаешь, что со смертью всё закончится? — Вэй Чжун чувствовал, как внутри закипает что-то странное и доселе незнакомое.

— Один человек сказал мне когда-то: мужчина должен уметь нести свою ношу. Я отвечаю за этих людей. Потому что... — он улыбнулся, и его лицо, покрасневшее от вина, стало удивительно красивым, — потому что я их заступник и отец.

Вэй Чжун долго молчал. Наконец он спешился, подошел к Ши Фэю и выхватил меч из ножен. Приставив острие к его груди, он выдохнул:

— Я обещаю.

Ши Фэй перехватил ладонью холодное лезвие.

— Помни: ни один человек в городе не должен пострадать. И стражники тоже.

— Хорошо, — кивнул Вэй Чжун и коротким, сильным движением вогнал клинок в цель. Алое пятно расцвело на парадном чиновничьем платье.

Вэй Чжун знал, что они никогда не стали бы соратниками. Слишком разные миры, слишком разная правда. Таким людям не место в его армии, но им место в истории.

Ши Фэй опустил в кресло. Хмель ли тому причиной или что-то иное, но боли он почти не чувствовал. Он закинул голову, глядя в ослепительно-золотое небо. Он улыбнулся.

«Вот теперь я настоящий мужик. Теперь — всё правильно».

Он закрыл глаза.

— Настоящий герой, — негромко произнес Вэй Чжун, пряча меч. — Похороните его со всеми почестями.

Прежде чем его помощник успел ответить, городские ворота со скрипом распахнулись.

— Не нужно, — вперед вышел старик с белыми как лунь волосами. Его глаза были красными от слез. — Мы сами позаботимся о господине Ши. Вашим рукам к нему прикасаться не след.

Завоеватели замерли, глядя на тех, кто выходил из города. Старики, женщины, дети. Среди них не было ни одного молодого мужчины. Даже стражники — и тем было за пятьдесят.

Вэй Чжун нахмурился:

— А где же молодежь?

Старик обвел тяжелым взглядом войско:

— Вся молодежь стоит перед нами, в ваших рядах.

Вэй Чжун вздрогнул. Оглянувшись, он увидел, что его солдаты прячут глаза. Только сейчас он до конца осознал, как жестоко было вести этих людей на штурм собственного дома, заставляя их сражаться с тенью своих отцов.

Стражники подошли к креслу с гробом. Бережно, словно величайшую святыню, они уложили Ши Фэя в сосновый ящик. Из ворот вышла чередой мальчишек — все в траурных белых одеждах. Они несли поминальные чаши, их глаза опухли от слез. Они знали: их добрый дядя Ши больше не вернется. У дяди Ши не было своей семьи, не было детей, некому было справить обряд, некому разбить чашу на удачу в ином мире. Значит, это сделают они. Каждый из них станет ему сыном.

Солнце поднялось высоко. Люди выходили и выходили. Все знали, что Армия Чжэнь у ворот, знали, что надежды мало. Никто не знал, кто именно сказал, что судья вышел один навстречу врагу. Он был хорошим человеком. Годы напролет он отказывался от повышений, лишь бы остаться здесь. И люди платили ему тем же — они считали его своим. Узнав, что он ушел один, горожане рвались на помощь, но стражники стояли насмерть, не давая открыть ворота. Каждое слово, сказанное Ши Фэем там, снаружи, они слышали и запомнили навсегда. Гроб у стен города — он и не собирался возвращаться.

Сердце не камень, его за столько лет теплом отогреть можно.

Жители рвали на полоски белую ткань и повязывали на плечи. Весь город, от мала до велика, добровольно надел траур по человеку, который отдал жизнь за их спасение.

В рядах Армии Чжэнь началось движение. Один солдат отложил копье и вышел вперед. Он взял кусок белой ткани из рук матери и повязал на рукав. За ним последовал второй, третий... Сотни воинов в белых повязках входили в город. Вэй Чжун не пытался их остановить. Только сейчас он понял, сколько в его войске выходцев из Яньси.

Он тоже пошел к воротам, но никто не протянул ему белой ткани. Казалось, земляки не желали делить с ним скорбь. Его близкие давно покинули эти края, здесь его никто не ждал.

Вэй Чжун смотрел вслед гробу, который медленно плыл над толпой. Он поднял голову — солнце нещадно палило, выжигая глаза, и от этого нестерпимого света по щекам полководца впервые в жизни потекли слезы.